

**ЧИТАЙТЕ КНИГИ
НАТАЛЬИ ТИМОШЕНКО:**

Мертвая неделя
Игра с огнем
Хранительница болот

Цикл «Игры со смертью»

Кошки-мышки
Правда или желание
Дочки-матери
Жмурки
Казачи-разбойники

НАТАЛЬЯ ТИМОШЕНКО

ХРАНИТЕЛЬНИЦА
БОЛОТ

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т41

Литературный редактор *Антонина Самофалова*

Художественное оформление серии
Екатерины Петровой

Тимошенко, Наталья Васильевна.
Т41 Хранительница болот / Наталья Тимошенко. —
Москва : Эксмо, 2023. — 416 с. — (Мистические ро-
маны Натальи Тимошенко).

ISBN 978-5-04-188733-9

Кому-то бабушки оставляют домики на Лазурном Берегу, а популярной писательнице Эмили Вышинской досталась в наследство старая усадьба среди полесских болот. Но это оказалось именно то, что сейчас нужно Эмили, переживающей творческий и семейный кризис. Захватив с собой младшую сестру, Эмилия приезжает в усадьбу на правах новой хозяйки. Ей предстоит узнать, какие тайны на протяжении нескольких веков скрывали Вышинские, кто живет в лесу за усадьбой, а также почему Агату Вышинскую, оставившую ей наследство, называли Хранительницей.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-188733-9

© Тимошенко Н., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Предисловие

Дорогие читатели!

Если вы читали другие мои книги, то знаете, что в основном я пишу мистические детективы. Однако эта книга отличается от других, в ней я использовала славянский фольклор. Поскольку я сама из Беларуси, мне хотелось познакомить вас с нашими верованиями и нашей мифологией. Вместо привычных Домовых, Леших и Русалок на страницах этой книги вас ждут Багник, Лесун, Зозовки и многие другие необычные существа.

Действие самой книги происходит в Беларуси, среди глухих полесских болот. Один из персонажей говорит на белорусском языке, но не переживайте. Во-первых, я сделала сноски с переводом, а во-вторых, уверена, вы все поймете и без него. Те из вас, кто также из Беларуси, заметят, что написание слов отличается от того, чему вас учили в школе. Все просто: я люблю классическое правописание, поэтому в данной книге использовала именно его.

И еще важное замечание: я знаю, что по нормам русского языка слово «белорусский» пишется через «о», но в книге использовала грамматически неверную форму через «а» — «беларусский». На мой взгляд, так красивее

НАТАЛЬЯ ТИМОШЕНКО

и даже в некотором роде правильнее, ведь страна называется Республика Беларусь. Это моя авторская причуда, не вините в ней корректоров:)

Но не буду больше отнимать ваше время, приглашаю незамедлительно окунуться в мистический мир полесских болот, нечисти и тайн рода Вышинских!

Приятного чтения!

Наталья Тимошенко

Глава 1

Жителям больших городов, привыкшим к широким проспектам, неоновым вывескам и вечному шуму, очень сложно представить, что бывают такие глухие места. Навигатор показывал, что мы свернули с трассы всего десять километров назад, но сейчас вокруг ничего, кроме дремучего леса и тишины, не было. Ни деревень, ни указателей, ни других машин, ни даже интернета. Краем глаза я видела, как Юлька отчаянно терзает телефон, пытаясь загрузить карту, но у нее ничего не выходит. Я не волновалась: еще накануне изучила маршрут и теперь была уверена, что не потеряемся. Я так долго вглядывалась вчера в карту, что теперь дорога казалась знакомой, будто я уже ездила по ней, знала каждый поворот.

Юльке было сложнее. Я хоть иногда выбиралась из города, то с друзьями на дачу, то на озеро, то просто в лес. Юлька же была привязана к мегаполису, к удобным пандусам и круглосуточным клиникам. Тот факт, что она согласилась ехать к черту на кулички, до сих пор меня удивлял. Но я собиралась сделать так, чтобы эта поездка оставила у нее только самые приятные впечатления.

Если бы я ехала сама, не останавливалась бы по пути и добралась еще вчера, но с Юлькой пришлось заночевать по дороге. Ей было бы слишком тяжело преодолеть боль-

ше тысячи километров зараз. Да и мне, признаться, тоже, но, планируя маршрут, я об этом не думала. Была даже немного расстроена необходимостью остановки, а теперь радовалась. Мы приедем на место не глубокой ночью, а еще днем, отдохнувшие и свежие.

О месте, куда мы едем, я знала немного. Какая-то бабушка, о которой никто в нашей семье никогда не слышал, вдруг оставила мне домик в полесской глуши. Не во Франции, конечно, но этот домик оказался как нельзя кстати. Я переживала, наверное, самый глубокий кризис в жизни — и в творческой, и в личной, — а потому решила ехать не раздумывая. Все вокруг говорили, что это чистой воды сумасбродство, но я чувствовала: так надо. Тем более домик-то не совсем домик, а настоящая усадьба. По крайней мере, так было сказано в письме адвоката. Ну скажите, какой писатель откажется провести немного времени в личной усадьбе? А перспектива узнать больше о своей, как выяснилось, родовитой семье еще больше подстегивала любопытство. Глядишь, и материал для новой книги насобираю и из этого бесконечного кризиса выберусь.

В общем, свернули мы с трассы еще по навигатору, но сигнал пропал почти сразу, и дальше ехать пришлось по памяти и по единственной дороге. Деревьев вокруг становилось все больше и больше, пока наконец мы не поняли, что едем уже по лесу, а ветки вверху сплелись так тесно, что образовали своего рода тоннель. Тогда-то Юлька и потянулась к телефону, считая, что мы едем не туда.

Лес не становился реже, никакого просвета я не видела, теплый майский день словно остался там, на трассе, здесь же царила прохлада и полумрак. В некоторых особенно низких местах по земле между деревьями даже стелился легкий полупрозрачный туман. Наверное, если бы сейчас из леса вышел олень или медведь, я бы не удивилась.

лась. Потому что если и жить им где-то, то именно в таких местах.

— Мы не заблудились, — заверила я Юльку, — до поворота на деревню нам ехать километров пятнадцать, я запомнила.

Сестра с сомнением покосилась на меня:

— А если мы пропустим поворот?

Я была уверена, что не пропустим, но вслух не сказала. Как я объясню сестре, что знаю дорогу? Откуда вообще могу ее знать? Да, я изучала карту, но не смотрела панорамы, не было тут панорам. А теперь чувствовала, что уже проезжала здесь когда-то. Может быть, очень давно, в раннем детстве, я действительно уже бывала в этой усадьбе? Иногда на лето родители привозили меня к бабушке, и пусть та жила под Минском, быть может, мы приезжали сюда с ней, родители не знали, а я не запомнила?

Нет, едва ли я теперь узнала бы. Просто мне настолько хотелось сбежать от собственной жизни, выпасть из нее на какое-то время, что казалось, я теперь поступаю единственно правильно, а потому и дорога выглядит знакомой.

Впереди наконец появился указатель, смотревшийся здесь так чужеродно, что я не сразу поверила глазам. На белом фоне было написано название деревни — Степаново, — находившейся по дороге к нашей, а значит, мы на правильном пути. На пути-то, может, и правильном, только теперь все признаки цивилизации остались позади. Асфальт закончился, лес стал еще гуще, почти не пропускал солнце к земле. Туман стелился не рваными кусками, а плотной пеленой, прятал под собой низкие кустарники, обнимал тонкие стволы деревьев. Пожалуй, впервые за время нашего путешествия мне пришло в голову, что это могла быть плохая затея. Да, я хотела отвлечься от проблем, залечь на дно, так сказать, но как бы об это дно

сильно не удариться. Точно ли в такой глуши будет чистая вода? Туалет в доме? Хоть какой-то врач? Пожалуй, что-что, а тащить с собой Юльку не следовало. Надо было оставить ее дома, на попечении тетюшек, а не поддаваться ее уговорам поехать со мной. Я без воды обойдусь, а она?

Однако я молчала. Толку уже теперь сомневаться? Назад не повернем, мы почти доехали. Еще несколько километров по плохой дороге — и лес наконец расступился, выплевывая нашу машину в большую деревню. Юлька шумно выдохнула, радуясь, что мы не сгнули в дремучем лесу, да я и сама испытала облегчение.

Теперь мы ехали пусть по грунтовой, но хорошей дороге, вдоль которой располагались простые деревенские домишки и — самое главное — тянулись линии электропередачи. Дома были одноэтажными, почти все — деревянными, лишь изредка встречались кирпичные строения. Тем не менее было видно, что каждый обитаем. Никаких заросших бурьяном дворов, заколоченных окон и покосившихся заборов. Спустя минуту мы выехали и к главной деревенской площади, возле которой увидели не только магазин и двухэтажное здание администрации, но даже школу. Свежевыкрашенные турники на спортивной площадке и тюли на окнах давали понять, что она действующая. Значит, здесь есть и дети. Уже легче. Несмотря на дорогу, которая привела нас сюда, места больше не казались гиблыми.

Припарковав машину возле здания администрации, я вышла на улицу, вдыхая запах, которым, пожалуй, дышать не доводилось еще никогда. Пусть я и бывала в лесу, но то были леса неподалеку от города, а потому и воздух там был совсем не такой. Здесь же казалось, что вокруг разлит чистый кислород. Пахло свежескошенной травой, цветами, теплом, влажной землей и еще чем-то, что мой мозг не мог даже опознать. Легкие раскрылись, как у новорожденного ребенка, будто до этого момента я не умела

дышать. Даже голова закружилась, пришлось схватиться рукой за дверь машины.

— Ты чего? — тут же заволновалась Юлька.

— Ничего, — отмахнулась я. — Пахнет просто волшебю.

Юлька опустила стекло со своей стороны и высунулась наружу. Солнечные лучи тут же запутались в ее ярко-рыжих кудрях, делая их почти красными. Юлька зажмурилась и весело рассмеялась. Если до этого я и сомневалась в своем решении взять ее, то теперь все сомнения исчезли. Ей тут понравится, а свежий воздух будет только полезен. А в деревне и без пандусов можно обойтись. В крайнем случае, если в нашем доме окажется высокий порог, деревенские мужчины наверняка смогут соорудить деревянный пандус.

Здание администрации, куда я направилась, сначала показалось мне необитаемым. Я сразу попала в просторный холл, по бокам уставленный старыми деревянными стульями, скрепленными в длинную сосиску и с поднятыми сиденьями. Последний раз такой раритет я видела, кажется, в младшей школе. Совершенно точно помню, что в пятом классе, когда для нас впервые провели школьную дискотеку в актовом зале, стулья там были уже совсем другими, современными. В дальнем углу притаился большой музыкальный центр, а с потолка ровно посередине залы — почему-то холлом это место мне уже не хотелось называть — свисал большой блестящий шар наподобие тех, что вешают в ночных клубах. Держу пари, в нужное время этот тоже крутится и переливается всеми цветами радуги, разбрасывая разноцветные искры по стенам. Наверняка здесь проводят деревенские дискотеки, для того и повесили шар.

Допотопные стулья и пошлый шар — странное сочетание, но не мне судить. Из залы вглубь здания вела всего одна дверь, за которой спрятался длинный полутемный коридор. Когда я шла по нему, разглядывая потертые вывески на каждой двери, эхо гулко повторяло каждый шаг,

отчего становилось немного неудобно и даже тревожно. Я читала вывески и прислушивалась к звукам за дверями, но кругом стояла полная тишина. А когда рискнула нажать на ручку двери с надписью «Завхоз», выяснила, что дверь заперта. Часы показывали уже начало шестого вечера, но если бы все разошлись по домам, разве не заперли бы здание? Как минимум музыкальный центр вполне можно было продать на ближайшей толкучке.

— Эй, здесь есть кто-нибудь? — наконец решилась спросить я, и ответом мне стала упавшая где-то впереди папка.

По крайней мере, звук был глухим и коротким, ничего не разбилось и не разлетелось на куски. Следом за этим ударом донеслись и шаги, а затем скрип открываемой двери: в самом конце коридора кто-то все-таки был. Дверь открылась, и мне навстречу вышел мужчина лет сорока, невысокий, очень полный, со светлыми, выгоревшими на солнце волосами и такой же светлой растительностью на лице. На нем были брюки, пиджак и даже галстук, а туфли сверкали не хуже дискотечного шара. На мой взгляд, в такую погоду носить подобные вещи — издевательство над собой, но зато я была уверена, что мужчина принадлежит к местной администрации. А значит, может быть мне полезен.

— Добрый день! — первой поздоровалась я, видя, что мужчина слишком удивлен, чтобы соблюсти правила приличия. — Я ищущу Прохорова Григория Федоровича.

Мужчина наконец оправился от шока, но стал отчего-то подозрительным.

— Это я, — признался он. — А вы по какому вопросу?

Отлично, значит, гражданин передо мной — староста деревни и глава местной администрации. Это объясняет пиджак в двадцатипятиградусную жару, но совершенно не оправдывает отсутствие воспитания. Однако я решила не обращать внимания.

— Меня зовут Эмилия Вышинская, я новая владелица усадьбы Вышинских.

Повезло, что у женщины, оставившей мне имение, была та же фамилия, что и у меня. Прохоров сразу понял, о чем речь. Да и адвокат наверняка сообщал ему о том, что я собираюсь приехать. Напряжение исчезло из его взгляда, а что появилось — я не разобрала. Не успела. Он тут же скрылся за маской вежливой улыбки и пригласил меня в кабинет.

— Значит, вы наследница бабки Агаты, — заключил он и тут же поправился, вспомнив, что сейчас он местный глава, а не деревенский житель: — Агаты Олеговны, я хотел сказать. Усадьба под моим ведомством, я знал, что скоро должны объявиться наследники. Вы же издалека приехали, да? Адвокат вроде говорил, что в России живете?

— В Москве, — уточнила я. — Родители переехали еще до моего рождения. Они ученые, их пригласили туда на работу.

Не знаю, с чего я так разоткровенничалась, обычно подобная многословность не в моем стиле. Я умею складывать слова на бумаге, а вот вслух произносить длинные речи не люблю.

Прохоров закивал в ответ, потянулся к сейфу, вытащил какие-то бумаги.

— Вот тут мне будет нужна ваша подпись, — заявил он, аккуратно кладя папку на стол. — За то, что я вам ключик от дома отдал.

Никакого ключика он мне не давал, кстати.

— Сегодня переночуете у Ангелины Федоровны, я договорюсь, а завтра с утра поедем осматривать ваши владения.

— Я бы хотела сделать это еще сегодня.

Прохоров поднял на меня удивленный взгляд, будто я заявила, что предпочту ночевать в его доме.

— С-сегодня? — заикаясь, переспросил он.

Его реакция была мне непонятна. Всего шестой час, солнце еще высоко, во второй половине мая дни длинные, стемнеет не скоро. Чего ждать? Зачем нам с Юлькой ночевать у какой-то незнакомой женщины — кстати, до сна еще куча времени, что мы будем делать? — если можно устроиться в нашем уже доме. Если там жила эта бабка Агата, значит, здание не заброшено, кирпичи и доски ночью нам на голову не упадут.

Половину из этого я озвучила Прохорову. Он снова закивал, принялся бестолково перебирать лежащие на столе бумаги. Ничего не искал, просто перекладывал их с места на место.

— Как вам будет угодно, — наконец заключил он, и голос почему-то зазвучал на тон холоднее, чем раньше.

Староста вытащил из сейфа длинный ключ, которым в пору было бы открывать двери в старинном замке, и положил передо мной. Я напряглась. Я ведь даже фотографий своего нового дома не видела, что, если там на самом деле замок? Тем не менее ключ я взяла, подпись за его получение поставила.

— Вы поедете с нами? — спросила я. — Вам лучше известно, что там да как, покажете, расскажете.

Немного лести в данном деле не помешает. Я ведь и на самом деле не знала дороги дальше. Деревня, рядом с которой находится усадьба, на карте была обозначена крохотной точкой, ни панорамы, ни каких-то сведений в интернете о ней я не нашла. А усадьба и вовсе нигде не упоминалась. До Степаново я еще доехала, а вот дальше требовалась помощь.

Прохоров думал недолго. Будто решал, есть ли у него какие-то важные дела на вечер или посмотреть, как две москвички будут разглядывать туалет на улице, ему хочется больше. Любопытство и жажда зрелищ победили.

— Поехали. Там как раз сейчас Петрович диспансеризацию проводит, назад меня подхватит.

Очевидно, Петрович — это местный врач или фельдшер. За зданием администрации я видела одноэтажное кирпичное здание с нарисованным на стене зеленым крестом. Должно быть, ФАП, вотчина неизвестного мне еще Петровича.

С Юлькой Прохоров поздороваться не забыл. То ли окончательно пришел в себя, то ли был настолько очарован ее красотой. Юлькиной красотой все очаровывались, вне зависимости от пола и возраста. Одни огненно-рыжие волосы до пояса чего стоили! А дополняли это великолепие точеные черты лица, тонкий нос, пухлые губы, бледная кожа с милой россыпью веснушек на щеках и огромные зеленые глаза в обрамлении пушистых темно-рыжих ресниц длиной в полметра и двух тонких бровей такого же цвета. Родись Юлька лет на триста раньше, ее непременно сожгли бы на костре, сейчас же замирали от восторга, впервые с ней встречаясь. И даже изуродованные болезнью ноги не портили впечатления. Обычно, когда люди их замечали, они уже до того были очарованы, что на ноги просто не обращали внимания. Кто посмотрит на неестественно вывернутые колени, когда можно смотреть на ямочки на щеках?

В плане внешних данных мне повезло меньше: волосы и глаза были бледнее, ресницы — короче, веснушки, особенно летом, сливались в большие пятна, отчего в летнем лагере меня однажды обидно прозвали Курочкой Рябой. Мужчины никогда не оглядывались мне вслед, а женщины порой давали непрошенные советы о том, как можно вывести веснушки. Но я могла ходить, а потому завидовать сестре не было ни единой причины.

Юлька и староста болтали всю дорогу до маленькой деревни под названием Востровка. В основном болтала Юлька, а Прохоров зачарованно слушал, и мне не удалось выяснить никаких деталей ни об усадьбе, ни об Агате Вышин-

ской, о которой до сих пор не было известно ровным счетом ничего.

Я же осматривалась вокруг. Если дорога, ведущая к Степаново, проходила через лес, то от Степаново до Востровки — скорее, через болото. Деревья здесь были не такими высокими, уже не сплетались верхушками над головой. Напротив, чем ближе мы были к Востровке, тем чахлее они выглядели. Тонкие, искривленные в разные стороны, они чем-то напоминали мне Юлькины ноги. Будто тоже с самого рождения, с первого семечка были поражены неведомой болезнью, росли вопреки природе, каждый день сражались за жизнь.

— Ой, а что с лесом? — спросила Юлька, разглядывая проплешины между деревьями.

— Так ведь багна тут, — пояснил Прохоров. — Торфяное болото. На таких густой лес не растет. А что вырастет, то погибнет от пожара. Когда торфяники горят — страшное дело. Огня не видно, все под землей, а живое гибнет. Только по запаху и узнаем, что снова горит. Погодите, в этом году жара только началась, скоро сами увидите, если тут задержитесь.

Юлька испуганно передернула плечами и бросила на меня быстрый взгляд. Я ничего не ответила. Посмотрим, насколько мы задержимся. Пока я планировала провести тут все лето, но многое будет зависеть от того, в каком состоянии усадьба и что мне захочется с ней сделать.

Востровка разительно отличалась от Степаново. Дома здесь тоже были деревянными, но за редким исключением — некрашенные. Все одинакового коричневого цвета, они стояли в глубине дворов, скрытые за пышными кустарниками и деревьями. Будто местные жители, зная, что вокруг них одно болото, стремились вырастить нормальные деревья хотя бы вокруг домов. Очевидно, местность для самой деревни когда-то осушали, иначе она бы тоже давно потонула в трясине. Зато теперь стало понятным

ее название, произошедшее наверняка от слова «остров». Это действительно был остров среди огромной багны.

Людей я не заметила. Возможно, они трудились в огородах: солнце хоть и было еще высоко, но уже не палило так нещадно, как несколькими часами ранее. Самое время работать на улице. И только приглядевшись, я поняла, что наш приезд не остался незамеченным. Местных привлекла большая машина, они следили за нами, пугливо прячась за деревьями.

Впереди показался перекресток, за которым наша дорога делилась на два рукава, но стоило мне свернуть налево, как перед машиной словно из ниоткуда возник человек. Я резко затормозила, всех, кто был в салоне, швырнуло вперед. Юлька громко охнула, а Прохоров не сдержал ругательства. Открыл дверь, выскочил наружу и заорал:

— Константин! Совсем умом тронулся?!

Придя в себя, я смогла рассмотреть того, кого чуть не сбила. Это был старичок лет семидесяти, в темных штанах, светлой, но испачканной в нескольких местах рубашке и старых истоптанных ботинках светло-коричневого цвета. Почему-то ботинки удивили меня больше всего. Не то чтобы я ожидала увидеть местных жителей в лаптях, но «тимберленды»? Наверное, кто-то из детей привез. Некоторые отвозят старые вещи, чтобы ходить в них на даче, а некоторые презентуют родителям. Изрезанное морщинами лицо старика не казалось ни добрым, ни настороженным. Выцветшие глаза смотрели на нас из-под кустистых бровей с любопытством. Слов старости он будто и не услышал, разглядывал лишь нас с Юлькой.

— Каго гэта ты прывез, Грышка?¹ — спросил он.

Я вышла из машины, Юлька осталась внутри. Она все еще выглядела перепуганной.

¹ Кого это ты привез, Гришка? (бел.)

— Это новые владельцы Агатиной усадьбы, — представил нас Прохоров уже обычным тоном.

— Меня зовут Эмилия, а это моя сестра Юлия, — добавила я.

Во взгляде старика, кроме любопытства, появилось что-то еще. Что-то такое, что я уже видела в глазах старости, когда называла свое имя.

— Так-так, — пробормотал старик и вдруг протянул мне руку. — Цудоўна! Вельмі прыемна! Дзедам Кастусём: мяне клічуць¹.

— Константин, дамы из Москвы, говори нормально, — недовольно поправил Прохоров.

— А хіба ж я не нармальна размаўляю? — усмехнулся в пышные усы дед Кастусь, хитро поглядывая на меня. — Эмілія ўсе разумее. Разумееш ж?²

— Разумею³, — внезапно ответила я.

Я видела недоуменный взгляд Юльки, но сама, к собственному удивлению, действительно поняла каждое слово. Я, конечно, слышала белорусский язык и по телевизору, и по радио, когда бывала у бабушки в гостях, но не думала, что так хорошо его помню. Сама бабушка почти никогда на нем не разговаривала, да и умерла много лет назад, а вот поди ж ты!

— Добра! — кивнул дед Кастусь. — Ну, сардэчна запрашаем, калі так. Яшчэ пабачымся. Мяне тут усе ведаюць. Але будзьце асьцярожнымі, кажуць, шэрага воўка бачылі ў лесе!⁴

¹ Прекрасно! Очень приятно. Дедом Кастусем меня зовут (бел.).

² А разве я не нормально разговариваю? Эмилия все понимает. Понимаешь же? (бел.)

³ Понимаю (бел.).

⁴ Хорошо. Добро пожаловать, если так. Еще увидимся. Меня тут все знают. Но будьте осторожны, говорят, серого волка видели в лесу! (бел.)

Прохоров на это лишь фыркнул:

— Не мели ерунды, Константин!

— Якая ж гэта ерунда? Ты, Грышка, ад'еўся як пан, а дурны, як баран! Узяў бы касу лепш, памахаў ёю дзень, глядзіш, і розуму б дабавілася, і маці б чужых людзей не прасіла¹.

Прохоров заметно побагровел, я уж думала, ответит что-то резкое, но он сказал вдруг негромко, словно оправдывался, но пытался это скрыть за резким тоном:

— Я работаю, Константин. У меня рабочий график. Некогда мне косою махать.

— Але, — кивнул головой дед Кастусь, но во взгляде по-прежнему читалось неодобрение. — Лепш сьмерць у полі, чым жыцьцё ў няволі. А ты менавіта ў няволі й живеш, Грышка. Карані забыўся, за грошы прадаўся. Хіба не памятаеш, што дзяды расказвалі? Баюся, як бы зноў не пачалося².

Староста не стал больше слушать, забрался в машину, хлопнул дверью.

— Вы на старика внимания не обращайтесь, — посоветовал Прохоров, оглядываясь назад, как мне показалось, с тревогой. Впрочем, это могла быть лишь игра моего воображения, я же видела его в зеркале заднего вида. — Местные тут странноватые. Что старики, что дети. Хотя детей здесь немного. Живут среди болота всю жизнь, цивилизации не видели, вот и придумывают небылицы.

— Какие, например?

¹ Какая же это ерунда? Ты, Гришка, отъелся, как пан, а дурной, как баран. Взял бы лучше косу, помахал ею день, глядишь, и ума добавилось бы, и мать бы чужих людей не просила (*бел.*).

² Лучше смерть в поле, чем жизнь в рабстве. А ты именно в рабстве и живешь, Гришка. Корни забыл, за деньги продан. Разве не помнишь, что деды рассказывали? Боюсь, как бы снова не началось (*бел.*).

Во мне поднял голову писательский интерес. Мистикой и фольклором я никогда не занималась, но необычные истории люблю. Никогда не знаешь заранее, какая из них окажется настолько интересной, что захочется вставить в книгу.

— Да разные, — нехотя ответил Прохоров. — Одна вот, Верка Жуковская, знахаркой себя мнит, все болезни травами и молитвами лечит. Фельдшер наш бесится страшно. Да и поп местный тоже. Одному травы поперек горла, другому молитвы.

Могу себе представить. Неизвестная мне Верка лезет на территорию обоих, вот они и бесятся. Я с одинаковым недоверием отношусь как к травам, так и молитвам, предпочитаю более цивилизованные методы лечения, но познакомиться с Веркой уже захотелось. Никогда в жизни не встречала знахарок. Ведьм, гадалок, экстрасенсов в Москве едва ли не больше, чем банкиров и учителей, а вот знахарок не видела.

— А что дед Кастусь говорил про волка? — уточнила я.

— Да брешет, — не слишком уверенно ответил Прохоров, почесывая затылок. — Волки в багнуне не сунутся. Говорят, когда-то водились у нас тут, но давно уже не видели. Чуть дальше в лесу есть, конечно, но к нам не приходят.

Последний дом Востровки остался позади, а впереди я увидела то, что бывает в каждой деревне: деревенское кладбище. Оно располагалось справа от дороги и казалось достаточно большим для маленькой деревни. Возможно, такое ощущение складывалось из-за того, что оно заросло высокими соснами и раскидистой акацией, но деревянные кресты между ними я видела четко. Только кресты, никаких памятников и оградок.

Я не большой любитель кладбищ, не понимаю тех, кто восторгается ими и ходит гулять по их дорожкам, но, про-

езжая мимо, никак не могла оторвать от него глаз. Оно манило меня, звало, словно обещало что-то, шептало. И я всматривалась в пространство между крестами и деревьями, искала взглядом сама не знаю что.

— Эмма!

Только окрик Юльки привел меня в чувство. Я машинально крепче схватилась за руль, посмотрела на дорогу и увидела, что еду точно по направлению к дереву. По другую сторону дороги росла небольшая еловая посадка, и еще немного — мы припарковались бы в ней. Я тут же вырулила обратно на дорогу, чувствуя, как бешено бьется сердце в груди.

— Ты чего? — возмущенно спросила сестра, а я лишь головой покачала.

Что ей сказать? Не говорить же, что меня кладбище звало. Юлька точно посчитает это дурным знаком и, чего доброго, попросит вернуться обратно.

— Странное тут кладбище, — стараясь, чтобы голос звучал буднично, сказала я. — Одни кресты, никаких памятников.

— Я же говорю, чудные тут люди, — нехотя буркнул староста.

Он словно потерял интерес к беседе, не хотел сообщать нам ничего лишнего, а я не стала настаивать. Чувствовала: у меня еще будет и время, и возможность задать вопросы другим людям. Что-то, а разговорить людей я умею. Не испытываю сейчас подобного желания, но умею. Может, когда отдохну, приду в себя, и желание появится. Не знаю, откуда у меня была такая уверенность, но я вдруг поняла: именно это место и поможет мне вернуться к жизни.

Сразу за кладбищем начиналось поле. Небольшое, со всех сторон я видела его окончание. Росла здесь, похоже, кукуруза, но то ли только начинала всходить, то ли сажать кукурузу на болотистой местности было не

НАТАЛЬЯ ТИМОШЕНКО

лучшей идеей: ростки выглядели чахлыми и больными. И снова я вспомнила деревья по дороге от Степаново до Востровки. Будто вся природа здесь была умирающей.

За полем снова начинался довольно густой лес, но какой-то неправильный. И, только подъехав ближе, я поняла, что это не лес, а парк. Запущенный, неухоженный, но парк. Когда-то деревья здесь высаживали по четкому плану, поэтому и выглядит теперь лес необычным. Среди деревьев я заметила большие железные ворота. Они оказались призывно распахнуты, и именно в них мы въехали по совету Прохорова.

— Вот, это и есть ваша усадьба, — сказал он, когда впереди показался большой двухэтажный дом.

Глава 2

Дом оказался не совсем двухэтажным, как я подумала сначала. Два этажа построили лишь для основного здания, а флигели, расположившиеся по обе стороны от него, были одноэтажными и походили на толстые сардельки, выглядели старыми и заброшенными. Впрочем, такое впечатление могло создаваться лишь внешне.

Каменный дом, выкрашенный в когда-то белый цвет, давным-давно стал где-то серым, где-то желтым, а где-то краска и вовсе облупилась, обнажая кирпичи, как пролежни на старческом теле. Две колонны, обрамляющие вход, походили на атлантов, держащих на своих теперь уже дрожащих плечах большой балкон второго этажа. Ступеньки тоже пострадали, кое-где раскололись, кое-где поросли мхом. Но все окна были целыми, изнутри занавешенными шторами, а потому с улицы нельзя было разглядеть внутреннее убранство.

И все казалось знакомым. Я словно уже бывала здесь, стояла вот так же перед входом, запрокинув голову, смотрела вверх, туда, где под самой крышей блестела в лучах заходящего солнца латинская буква W. Наверное, первая буква в семейной фамилии. Присмотревшись, я поняла, что буква эта является частью фамильного герба, до того пострадавшего, что теперь уже сложно было понять, что именно на нем изображено.

Основное здание было небольшим, я насчитала всего по три окна с каждой стороны от входа, а размер флигелей еще предстояло оценить. Но даже до того, как я завернула за угол и рассмотрела их получше, уже видела, что один был бледно-голубого цвета, а другой — бледно-зеленого.

Сложно было представить, что в таком огромном доме много лет жила лишь одна старушка. Зато воображение живо нарисовало, как когда-то перед входом останавливались кареты, дамы в пышных платьях поднимались по идеально ровным ступенькам, во всех окнах горел яркий свет, а дверь на балкон была распахнута, и оттуда доносились громкая музыка. Ведь наверняка такое здесь происходило, дом казался достаточно старым, чтобы застать времена балов и пышных приемов. Только теперь меня удивило и еще кое-что: почему вплоть до этого года он принадлежал Агате Вышинской? Почему после революции его не забрали Советы, как происходило со многими другими подобными домами? Почему не сделали из него больницу или приют?

Мои размышления прервал смущенный голос старосты:

— По ступенькам вам не подняться, я распоряжусь, чтобы открыли дверь в одном из флигелей, там нет ступенек.

Оказалось, пока я, разинув рот, рассматривала свои новые владения, Юлька при помощи Прохорова уже выбралась из машины. Автомобиль был оборудован специальным подъемником, позволяющим сестре самостоятельно садиться в машину и вылезать из нее, но кресло все равно кто-то должен был выкатить из багажника и подвезти к пассажирской двери. Значит, Юлька отчаялась дожидаться меня и попросила старосту. Я знала, как стесняется она принимать чужую помощь, а потому испытала острый укол совести, тут же подошла к ней, мягко перехватывая ручки кресла у Прохорова. Вообще-то крес-

лом Юлька отлично управляла сама с помощью джойстика, но мне просто хотелось дать ей понять, что я снова здесь, стою за ее спиной, не забыла и не променяла на старые развалины. Ладно, насчет развалин я погорячилась, дом выглядел достаточно крепким. Требующим ремонта, но крепким.

Черт, когда же я приезжала сюда? Почему родители несказанно удивились, узнав о наследстве?

Обращали на себя внимание слова старосты о том, что он «распорядится открыть вход во флигеле». Это кем он собрался распоряжаться? Неужели к дому прилагается еще и толпа обслуживающего персонала? Догадка, если честно, меня здорово напугала! Гораздо сильнее, чем необходимость ночевать в старом доме посреди леса.

— Здесь есть какие-то работники? — осторожно уточнила я.

— Двое, — кивнул Прохоров. — Кирилл Жуковский и его мать. Я вам про нее рассказывал, Вера. Парнишка молодой, но сильный, с любой работой вам поможет. Мать у него странноватая, но Агата Олеговна ее привлекала, она тут за кухарку и уборщицу. Я вас сейчас познакомлю.

И точно, из-за угла к нам уже направлялась странная парочка: молодой мужчина, почти еще мальчик, нескладный и сутулый, с торчащими в разные стороны светлыми волосами и длинными руками, которые он постоянно тер друг о друга, будто не знал, куда их деть; и невысокая полная женщина неопределенного возраста, с волосами, спрятанными под платок, в темном платье и внезапно белом переднике, будто из знаменитого сериала про английское аббатство.

— Вот, ваши новые хозяева приехали, — вместо приветствия заявил староста.

От его слов веяло каким-то неприкрытым снобизмом, честно говоря. Какие мы им хозяева? Дому — да, но не

его работникам. Крепостное право отменили сто шестьдесят лет назад, если только мы не провалились в прошлое.

— Добрый день, меня зовут Эмилия, это Юля. — Я указала на улыбающуюся сестру. Надо брать разговор в свои руки, пока староста не настроил этих двоих против нас. — Агата Олеговна оставила усадьбу мне.

Женщина расплылась в улыбке, которая сделала ее старше, изрезав лицо глубокими морщинами и спрятав глаза за пухлыми щеками и широкими бровями. Старше, но добрее, так что непременно захотелось бы улыбнуться в ответ, если бы до этого я еще не улыбалась. Было в Вере что-то материнское, крепкое. Наверное, если бы она сейчас шагнула ближе и раскрыла для меня объятия, я бы не стала противиться, хотя вообще-то терпеть не могу такие близкие физические контакты даже от хорошо знакомых людей. Но Вера осталась стоять на месте, как и ее сын.

— Очень рады вас видеть, — сказала она. — Мы уж ждали, а потом и надеяться перестали, что вы приедете. Вам тут понравится!

При этих словах Прохоров странно фыркнул, будто считал, что двум московским барышням не может понравиться в глухом лесу. Логика в его словах была, конечно, но я не сомневалась, что в этом месте есть особое очарование. Я уже чувствовала его, впитывала кожей, вдыхала вместе со свежим воздухом.

— Ну, познакомились, а теперь пора в деревню, — хлопнул в ладоши староста, когда процедура знакомства была завершена.

— Зачем в деревню? — удивилась Вера. — Разве вы не останетесь тут? — Она перевела взгляд на нас.

— Не останутся, — строго заявил Прохоров.

Я бросила на него быстрый взгляд, наконец понимая, что происходит. Вера была не просто кухаркой и уборщицей, как пренебрежительно отозвался о ней староста, она управляла имением, была здесь второй после Агаты

Вышинской, а старосте это не нравилось. И теперь, когда хозяйка усадьбы отошла в мир иной, он собирался показать, кто здесь главный.

— Место для жизни пока непригодно, — добавил Прохоров, одергивая полу пиджака.

Бедняга, как ему жарко, наверное! Несмотря на то что в лесу было прохладнее, чем в деревне, все равно достаточно тепло, чтобы я не мерзла в легком платье. Я могла себе представить, как чувствует себя староста, но жалости к нему не испытывала. Напротив, мне захотелось, чтобы он поскорее уехал.

— Мы останемся здесь, — твердо заявила я прежде, чем что-то успела сказать Вера.

— Но... — начал староста, однако, наткнувшись на мой взгляд, замолчал и помрачнел: — Как хотите.

— Вас отвезти в деревню? — все тем же строгим тоном предложила я, помня, что он собирался найти фельдшера и уехать с ним.

— Пройдусь, — буркнул Прохоров. — Ключи я вам отдал, дальше мои полномочия заканчиваются.

Он развернулся и быстрым шагом направился к кукурузному полю, а я не стала его останавливать. Видела в глазах Веры одобрение, и почему-то это показалось страшно приятным.

Втроем с Кириллом и Верой мы ловко перетащили в дом чемоданы и сумки. Кирилл без лишних просьб открыл неприметную дверь в голубом флигеле, и Юлька захватила в дом через нее.

Внутри дом оказался еще больше, чем выглядел снаружи. Через главный вход я попала в большую гостиную, обстановка в которой давала понять, что ею пользовались до последнего. На окнах висели тяжелые портьеры, стены украшали портреты мужчин и женщин, когда-то тут живших. Мебель была расставлена таким образом, чтобы большая часть комнаты оставалась свободной. Ваза

НАТАЛЬЯ ТИМОШЕНКО

в углу оказалась пустой, но я была уверена, что еще недавно в ней стояли цветы. Настоящим украшением гостиной был огромный камин со сложенной рядом поленицей дров. Напротив камина располагался диван с темно-красной обивкой и тремя коричневыми подушечками. Потолок здесь оказался таким высоким, что я сумела разглядеть его, только полностью задрав голову. Очевидно, над гостиной второго этажа не было, она занимала все пространство. Где-то там, в самом верху, свисала большая люстра, которая, должно быть, одна могла осветить все помещение. По обе стороны гостиной вверх уходили две лестницы, а рядом с ними располагались двери, ведущие в коридоры и дальше — во флигели. Поначалу мне показалось, что два крыла второго этажа никак не соединяются, чтобы попасть из одного в другой, нужно спуститься в гостиную, но вскоре я заметила протянувшийся над входной дверью балкон, выходящий внутрь дома. По нему можно было перейти из одного крыла в другое.

С четвертой стороны гостиной, прямо напротив входа, был еще один выход. Две огромные стеклянные двери распахнулись с натужным скрипом, как только я коснулась их. Выйдя на улицу, я поняла, что дом построен буквой П, а во внутреннем дворе когда-то был разбит прекрасный сад, теперь уже запущенный и заросший. Посреди сада я разглядела даже заброшенный фонтан. Боже, как, наверное, когда-то тут было прекрасно! И как же так получилось, что Агата Вышинская осталась тут одна? Почему мы не знали об этой усадьбе? Или бабушка все-таки знала и когда-то привозила меня сюда?

Решив, что осмотрю сад и двор позже, я вернулась в дом. К этому моменту Вера куда-то исчезла, среди гостиной стояли лишь Юлька и Кирилл. Причем лицо последнего пылало еще ярче, чем Юлькины волосы. Сестра же кокетливо улыбалась и что-то рассказывала, чем и вгоняла в краску бедного деревенского парня. Юлька,

несмотря на неспособность ходить, в полной мере осознавала собственную красоту, флиртовать умела и любила. Чем сейчас беззастенчиво пользовалась. Еще минута — и Кирилл упадет в обморок, как затаенная в корсет барышня с одного из портретов на стене.

— А где Вера? — поинтересовалась я, обозначая свое присутствие.

Кирилл повернулся ко мне с видимым облегчением. Не готов он был к напору столичной красавицы, разговаривать о более приземленных вещах, в которых он разбирается гораздо лучше, чем в тонком искусстве обольщения, ему было комфортнее.

— В деревню ушла, — ответил, заикаясь, Кирилл. — Мы не знали, что вы приедете, в доме ни молока, ни хлеба свежего. Мама быстренько ужин вам приготовит, вы небось устали и проголодались с дороги.

Этого я не могла отрицать. Посетовала только, что Вера пошла пешком, мы могли бы съездить на машине, но Кирилл лишь махнул рукой, заверив, что она справится быстро, много продуктов нести не станет, только на ужин. Зато мы пока можем заняться обустройством хотя бы самых необходимых комнат.

Более или менее жилой в доме была всего одна спальня, принадлежавшая Агате. Но она находилась на втором этаже, поэтому ее заняла я, Юльку же следовало поселить на первом. И тут возникли трудности. Оба флигеля оказались в совсем непригодном состоянии, в столовой или огромной гостиной жить ей было бы неудобно. Оставалась всего одна комната по левую сторону гостиной, бывшая много лет назад чьим-то кабинетом. Очень. Много. Лет. Назад.

Кабинет был большим, но сильно захламленным, а еще пыльным и неубранным. Если мебель и книги можно вынести, то на уборку придется потратить минимум полдня, а солнце уже клонилось к закату.

— Я вам помогу! — с энтузиазмом заявил Кирилл, видя наше положение.

Мы отправили Юльку в сад, чтобы она не дышала пылью, а сами принялись за дело. Выносили мебель и складировали ее у камина, мыли окна, собирали паутину и ключья пыли. Без Кирилла я бы не справилась. И дело даже не в том, что пришлось бы работать ночью, а в том, что я элементарно не знала, где что стоит, где набрать воды и прополоскать тряпку.

За работой мне удалось выяснить, что Кирилл всю свою жизнь прожил в Востровке. Ему двадцать два года, после школы он не поступил в колледж и вернулся в деревню, намереваясь подготовиться получше, да так и не сделал этого. Агата Вышинская взяла его к себе на работу, платила щедро, и Кирилл не смог бросить мать, остался в Востровке насовсем. Ему нравилась их маленькая деревня, спокойная жизнь и непыльная работа у Агаты. Насчет непыльной парень, конечно, соврал. Лично я уже обливалась слезами и соплями, хотя аллергиком никогда не была.

— В чем заключалась ваша работа? — поинтересовалась я, взяв шваброй по потолку.

— Да так. — Парень неуверенно пожал плечами. — То подремонтировать что-то, то дров наколоть, то воды наносить. За садом приглядывал. Мама моя тоже здесь трудилась. Усадьба очень старая, работа всегда найдется.

В это я могла поверить с легкостью. Завтра, когда осмотрюсь получше, наверняка пойму, что мне понадобится с полсотни таких Кириллов и Вер, чтобы навести тут порядок.

Закончив с потолком, я залезла на стремянку и потянулась к тяжелым портьерам, намереваясь их снять, но Кирилл остановил меня:

— Нет!

Его возглас был таким громким и внезапным, что я пошатнулась от неожиданности и едва не упала. Не упала,

потому что успела ухватиться за портьеры, и те меня держали.

— Не надо, — виновато повторил Кирилл. — Не снимайте.

— Почему? На них пыли больше, чем во всей остальной комнате.

— Не надо окна незанавешенными оставлять на ночь.

— Почему?

Кирилл смутился и принялся с усердием тереть пол, но я не собиралась позволять ему промолчать.

— Кирилл?

Парень вздохнул, но от занятия не оторвался.

— Они знают, что Хранительница мертва, — едва слышно сказал он. — Будут приходить сюда, в окна заглядывать. Юлия испугается.

По моей спине поползли толпы мурашек. Мокрыми стали даже ладони, которыми я продолжала цепляться за шторы. Хотя чего именно я так испугалась, не понимала.

— Кто? — охрипшим от волнения голосом спросила я, но Кирилл не ответил. — Кто будет приходить? Здесь... небезопасно?

Парень наконец посмотрел на меня. Если бы можно было повернуть время вспять, он бы сделал это и зашил себе рот толстыми нитками, но теперь приходилось отвечать.

— Безопасно, — не слишком уверенно произнес он. — Просто можете испугаться поначалу.

Я наконец отпустила портьеры и слезла вниз. Подошла к Кириллу, заглянула в глаза. Тот окончательно смутился, покраснел сильнее, чем когда болтал с Юлькой.

— Хранительница — это Агата Вышинская, так?

Он кивнул.

— Кто будет в окна заглядывать? Кто-то из местных?

— Не могу я.

Парень почти плакал. И мне вдруг стало его жаль. Очевидно, он и так сказал больше, чем должен был.

НАТАЛЬЯ ТИМОШЕНКО

Я могла бы надавить, но не стала. У меня еще будет время все разузнать, а с первого же дня настраивать против себя того, кто много знает, — плохая идея.

— Какие еще правила в этом доме?

Кирилл искоса посмотрел на меня, будто проверял, действительно ли я больше не буду спрашивать неудобных вещей.

— Никаких, — ответил он. — Просто после наступления темноты во двор не выходите и окна не открывайте. Если кто-то стучит — к двери не подходите и вообще не разговаривайте с теми, кто стоит по ту сторону.

Я вдруг поймала себя на том, что глупо улыбаюсь. Все это походило бы на идиотскую шутку, если бы только нам с Юлькой не предстояло ночевать одним в огромном старом доме посреди незнакомого леса. Даже если будем кричать и звать на помощь — никто не услышит. А если и услышит, точно ли поможет? Кто знает, каковы мотивы местных? Может быть, они только и ждали, когда умрет хозяйка усадьбы, чтобы разворовать дом. Мобильный телефон, как я уже успела заметить, сеть почти не ловит, а даже в тех местах, где до нее дотягивается, делает это очень неуверенно.

Очень хотелось попросить Кирилла остаться, но я промолчала. Не буду показывать, что мне страшно. Честно говоря, я и сама не была уверена, что мне страшно настолько, чтобы просить у кого-то защиты. Пока я не понимала, чего именно нам стоит опасаться и стоит ли вообще. Ведь у местных было полгода на то, чтобы разворовать дом, пока он пустовал, неужели же они специально ждали, пока приедут наследники? Глупо. А значит, неправдоподобно.

Глава 3

Моей комнатой мы занялись уже после того, как вернулась Вера. К тому моменту совсем стемнело, и Юльке пришлось покинуть сад. Вера, как и Кирилл, твердо стояла на том, что нам не стоит выходить из дома после заката. Почему это опасно нам и неопасно им, они не пояснили, ловко уходя от ответа. Либо же я слишком устала, чтобы настаивать.

Вера забрала Юльку на кухню, себе в помощницы, а мы с Кириллом поднялись наверх. В целом второй этаж выглядел более нежилым, чем первый, одна только спальня Агаты и казалось обитаемой.

— Почему Агата спала на втором этаже, если все остальное время проводила на первом? — задала я очевидный вопрос, но Кирилл отвечать на него не спешил.

— Там нет подходящей комнаты, — наконец соврал он.

— Ее можно было оборудовать, как Юльке. Это как-то связано с тем, что по ночам в окна кто-то заглядывает?

От меня не укрылось, как дернулся Кирилл, и я поняла, что попала в цель. Неприятное чувство снова вернулось в район солнечного сплетения, но я старательно гнала от себя дурные мысли. Ну что нам может угрожать в запертом доме? А в том, что двери и замки здесь крепкие, я уже успела убедиться.

Комнату Агаты мы почти не тронули. В ней было не так много вещей: кровать, шкаф, стол у окна с большим удобным креслом — а также регулярно проводилась влажная уборка, поэтому она меня вполне устроила. Я только притащила найденное в соседней комнате большое зеркало на подставке, очень уж оно мне понравилось.

Уже выходя из спальни, я обернулась и вдруг покачнулась: пол и потолок словно растворились, перед глазами опустились мутную пелену, через которую я видела эту же комнату, но залитую ярким солнечным светом. У окна стояла высокая молодая женщина в длинном, до самого пола, платье. Она смотрела на улицу, придерживая одной рукой штору.

«Агния», — мелькнуло у меня в голове. Не знаю, откуда я взяла это имя, за всю жизнь у меня не было знакомых с таким именем. Откуда вообще это странное видение?

Я тряхнула головой, возвращаясь в реальность. Это усталость или свежий лесной воздух на меня так действуют?

Кирилл ничего не заметил, он уже открыл дверь в комнату рядом со спальней, демонстрируя небольшую ванную. Она, как и спальня Агаты, находилась в жилом состоянии, но очень скоро я убедилась, что пользоваться ею не смогу: из крана текла только тоненькая струйка прохладной воды.

— Насос надо поменять, — буркнул Кирилл.

Импровизированный ужин прошел легко и беззаботно благодаря Юльке. Сестрица весело трещала и смеялась, заставляла краснеть Кирилла и вдоволь наслаждалась этим. Я видела, что тот уже почти влюблен, и если Юлька продолжит в том же духе, через неделю он станет самым преданным ее поклонником. Вера поглядывала на молодых людей с легкой тревогой, как и должна смотреть мать на молодого сына и нравящуюся ему девушку. По-

дозревала в столичной штучке акулу и боялась, как бы сердце молодого парнишки не оказалось разбито. Я тоже старалась мыслями отдаться льющейся над столом беседе, чтобы не думать обо всех странностях этого дня.

В закромах Агаты Вышинской было вдоволь консервированных овощей и салатов, немного прошлогодней картошки, в погребе оставались кое-какие запасы мяса, а из деревни Вера принесла свежего хлеба и домашнего молока, так что ужин получился богатым и сытным, в настоящем деревенском стиле. И Вера, и Кирилл обещали наведаться к нам завтра, помочь с обустройством, а если мы пожелаем, то они продолжат работать, как работали у Агаты. И в словах этих я увидела не только желание помочь нам, но и затаенный страх остаться без средств. Мне нужна была их помощь, поэтому я заверила, что буду рада видеть обоих.

Жуковские ушли, когда из-за деревьев показался тонкий серп луны и рассыпались по темному полотну холодные звезды, но перед этим помогли принести из одной комнаты флигеля узкую железную кровать для Юльки, а Вера показала, где найти запасы постельного белья. Оно было старое, когда-то белоснежное, но посеревшее от времени, однако чистое и даже выглаженное. Простыня хрустела под моими пальцами, когда я расстилала ее на матрас, выдавая, что она еще и накрахмаленная. От постельного белья остро пахло не химической отдушкой, а какими-то травами, но запах был скорее приятным.

Еще одну ванную комнату мы обнаружили на первом этаже, но душ Юлька принимать не стала. С ним еще предстояло разобраться, а мы пробьли в дороге не так долго, чтобы в нем стояла острая необходимость. Я помогла сестре переодеться в ночную сорочку и уложила в кровать.

— Настоящее приключение, да? — широко улыбнулась Юлька, когда я поправляла ей одеяло. В доме было

прохладно, а в нежилой комнате почти холодно, мне не хотелось, чтобы она замерзла. Юлька легко простужалась, а в компетентности местного фельдшера я еще не успела удостовериться.

— И не говори, — ответила я. — Но представь, как здесь будет здорово, если сделать ремонт.

Юлька посмотрела на меня внимательно, словно спрашивая, действительно ли я собираюсь слить все деньги в это богом забытое местечко, о котором мы и сами ничего не знали еще неделю назад. У меня пока не было ответа на этот невысказанный вопрос.

— Открой шторы, — попросила Юлька, когда я уже уходила.

Я на мгновение замешкалась, вспоминая слова Кирилла.

— Может, не будем трогать? — неуверенно предложила я. — Там столько пыли! Снять мы их не смогли, там какая-то хитрая система, Кирилл обещал завтра все сделать, а пока оставили как есть. Но лучше не трогать лишний раз.

Я говорила и говорила, как всегда, много, когда приходилось врать, но не рассказывать же Юльке, что кто-то может заглядывать в окна среди ночи. Будь кровать немного шире, я бы и вовсе осталась ночевать с ней, но вдвоем с Кириллом мы и эту с трудом притащили, с другой просто не справились бы.

— Окно выходит на восток, я бы хотела увидеть рассвет, — просящим тоном сказала Юлька. — Наверняка проснусь рано, ты же знаешь, в новых местах мне не спится.

Это я знала. Юльке редко доводилось ночевать где-то, кроме просторной родительской квартиры и дорогой клиники, где ее периодически лечили, она не имела такого богатого опыта, как я, поэтому всегда спала плохо. Немного подумав, я все-таки открыла шторы. Кирилл ведь

говорил, что на улицу нельзя выходить от заката до рассвета, значит, после рассвета опасаться нечего. Ночи здесь наверняка такие темные, что Юлька ничего не разглядит с той стороны. А если совсем честно, я не понимала, о какой именно опасности говорил Кирилл. Ведь уже думала о том, что местные при желании разграбили бы дом еще до нашего приезда, о смерти Агаты они узнали сильно раньше нас.

Кстати, почему Кирилл назвал Агату Хранительницей? Что именно она тут охраняла? Уж не несметные ли сокровища рода Вышинских? Может быть, бабушка во Франции покажется мне практически бездомной, когда я узнаю, какие богатства хранятся в стенах этого дома.

Развеселившись от таких мыслей, я пожелала Юльке спокойной ночи и вышла в гостиную. Спать не хотелось. Время уже приближалось к полуночи, встали мы довольно рано, но новые впечатления будоражили кровь, гнали ее по венам, сбивали мысли в кучу и будили здоровый интерес. Я решила осмотреться получше, ведь вечером у меня не было такой возможности, мы были слишком заняты приготовлением Юлькиной спальни.

Главный дом оказался большим. По правую сторону от гостиной располагались просторная столовая, кухня, а также несколько кладовых помещений. Очевидно, для продуктов, уборочного инвентаря, прачечной и прочего. В лучшие времена в доме наверняка жила большая семья, постоянно гостили друзья и родственники, для такого количества людей хранилось много продуктов и бытовой химии, чем бы ни пользовались в те времена. Длинный коридор, куда выходили двери всех этих помещений, заканчивался еще одной дверью, теперь накрепко запертой. Я догадалась, что за ней находится правый, бледно-зеленый флигель. Открыть дверь не получилось, поэтому его обследование я оставила на завтра. Да и вовсе ходить в темноте по незнакомым заброшенным помещениям —

не лучшая затея. Дом был электрифицирован, в гостиной я оставила гореть несколько бра, но почти не сомневалась в том, что во флигеле света не было. Зачем он там, где им не пользуются?

По левую сторону гостиной располагался кабинет, который теперь занимала Юлька, а также большая ванная комната и библиотека. Первое помещение мы уже бегло осматривали, в нем стояла огромная ванна на изящных ножках, туалетный столик и зеркало. Свет здесь был неярким, и, поймав свое отражение в полутьме, я непроизвольно поежилась. Было в этом что-то мистически пугающее, поэтому я поторопилась выйти в коридор.

Осмотреть библиотеку мне и вовсе не удалось. Похоже, ни Агата, ни ее помощники не заходили сюда много лет, пыли тут было столько, что я начала чихать, едва только переступила порог, а потому решила отложить осмотр на потом. Когда приобрету респиратор, очевидно.

Дверь в голубой флигель в этом коридоре оказалась открыта, ведь именно через нее мы завозили Юльку в дом. Я протянула руку к резной ручке, но остановилась. Мне показалось, что позади скрипнула половица, словно кто-то наступил на нее, но замер, поняв, что я услышала скрип. Стало неудобно и впервые по-настоящему страшно. Даже непонятное видение наверху меня так не пугало, ведь то была игра моего воображения, а скрип за спиной принадлежал внешнему миру. Кирилл говорил, что мы остаемся в доме одни. Перед уходом проверил все выходы, стоял на пороге, пока не услышал, как я заперла за ним. Юлька встать не могла. Кто стоит за моей спиной?

Медленно, очень медленно я обернулась. Сзади никого не было. Я шумно выдохнула, ругая себя последними словами. Испугалась, как дурочка! Дом старый, ему, поди, лет двести! Само собой, тут постоянно что-то скрипит. Пора начинать привыкать к этому, если я собираюсь остаться здесь на некоторое время.

Исследовать флигель перехотелось. Если уж тут что-то скрипит и пугает, там я вообще в обморок хлопнусь, позор моим сединам. Лучше вернуться в гостиную, я ведь еще не осматривала портреты.

Я повернулась к двери во флигель, чтобы убедиться, что не успела приоткрыть ее, и подпрыгнула от испуга. Дверь не просто была приоткрыта, она была полностью распахнута, обнажая темный коридор за собой. Я даже не услышала, как она раскрылась, а ведь точно помню, как сильно она скрипела вечером, когда ее открывал Кирилл! Он еще пробормотал что-то вроде того, что завтра смажет ее, ведь, так или иначе, нам придется ею пользоваться, на порог Юльке не подняться.

Порывшись в карманах, я выудила мобильный телефон и включила фонарик. На всякий случай щелкнула и выключателем, но свет в коридоре не зажегся: как я и предполагала, во флигелях электричества не было. Аккуратно заглядывая в каждую комнату, я медленно двинулась вперед, начисто забыв о том, что собиралась осмотреть портреты в гостиной.

Комнаты здесь были совсем заброшенными, выглядели гораздо хуже, чем в основном здании, даже угадать их предназначение не представлялось возможным. В них не осталось ни мебели, ни даже обоев на стенах. Очевидно, ими не пользовались уже много-много лет, даже не заходили сюда, не убирались и не проветривали. В каждой стоял спертый запах старины и забвения. Ни жизни, ни воспоминаний.

Я уже собиралась возвращаться, когда за очередной дверью моим глазам внезапно предстала не комната, а лестница вниз. Здесь есть подвал? Вообще, конечно, логично, что есть, в старых замках, к коим я уже почти готова была отнести этот дом, всегда есть подвалы. Не обязательно с мертвецами, но те же продукты хранить где-то надо. В маленькую кладовку возле кухни много

не поместится. Наверняка бывшие хозяева увлекались охотой, а вместо холодильников пользовались погребами и подвалами. И потом, надо же где-то прятать сокровища!

Нога уже ступила на первую ступеньку, когда я вслух спросила у себя:

— Ты всерьез собираешься спуститься в подвал незнакомого дома? Именно с этого и начинаются все беды у героинь ужастиков!

Правда, я терпеть не могу ужастики, не верю в призраков и неупокоенных духов, так что едва ли мне там что-то угрожает. Как говорит моя тетя Аня: бояться надо живых, а не мертвых. А если там и были какие-то живые маньяки, то давно умерли. Перехватив телефон покрепче, чтобы нечаянно не оступиться и не выронить его, я уже собралась было спуститься, в последний момент на всякий случай щелкнув выключателем. Щелкнула, ничего не ожидая, но внизу загорелся свет. Тусклый, почти не разгоняющий темноту здесь, наверху, но хорошо освещающий помещение внизу.

Почему в коридоре и комнатах света нет, а в подвале есть?

Только теперь я заметила, что лестницей пользовались. Не много лет назад, а совсем недавно. Стены здесь были темными и обшарпанными, но под ногами не перекатывались клубы пыли, ступеньки казались отполированными сотнями тысяч шагов. Уж не бабка ли Агата постоянно спускалась в подвал? Вера? Кирилл?

Любопытство было таким сильным, что я не могла ждать. Оно дышало мне в затылок, подталкивало в спину, и я поддалась ему. Все еще не выключая фонарь в телефоне, медленно спустилась вниз. Едва только моя нога коснулась пола, это случилось снова: мир на мгновение подернулся белесой пеленой, и через нее я увидела собственную руку, украшенную перстнями, которых у меня

не было, держащуюся за перила, и услышала голос, который почему-то исходил из моего рта:

— Агния?

Мир снова кувыркнулся, пелена спала. Я опять была собой, стояла у подножия лестницы, а передо мной раскинулся темный подвал с низким потолком. Мрачный и безлюдный.

Снова эта Агния! Кто такая Агния? Откуда это имя у меня в голове?

Захотелось вернуться наверх, выбежать на улицу, вдохнуть свежий воздух, который выгнал бы из моей головы глупые приступы. Но я осталась. На воздух мне все равно нельзя, и я даже не знаю почему.

Помещение подвала оказалось не таким уж большим. Комната метров тридцать квадратных, с низким потолком, которого я едва не касалась головой, а росту во мне было чуть меньше метра семидесяти. Если сюда постоянно ходил Кирилл, то ему приходилось сильно сутулиться.

Комната не была пустой. Вдоль стен стояли стеллажи, достающие до самого потолка, на полках лежало что-то завернутое в бумагу, стояли коробки и даже книги. Я осторожно взяла в руки одну. Книга выглядела очень старой, переплетенной в кожу, надеюсь, что какого-то животного, а не человека. Надписи на обложке не было, а листать ее на весу было проблематично: весила она килограмма три, не меньше. Быстро оглядевшись, я увидела стол посреди комнаты, заваленный сухоцветами. Разгрела на нем немного места, положила книгу и осторожно открыла. На титульном листе было написано что-то вроде «Обитатели болот. Составлял Андрей Милевский». Что-то вроде, потому что буквы были латинскими, но совершенно точно не английскими. По крайней мере, я не помню в английском алфавите букв *í* или *ı*, а тут они были. Язык напоминал белорусский или

польский, но если деда Кастуся я хорошо понимала, то тут продраться через текст не смогла, знаний не хватило. Я вернулась к стеллажам, рассмотрела другие книги. Все они были такими же старыми, написанные таким же алфавитом. Значит, Агата была весьма образованной дамой. Я так и предполагала, теперь только убедилась. Сюда ходили не Кирилл и не Вера, а Агата. Но что она делала в этой комнате? Чем занималась?

Решив расспросить завтра Жуковских, я вернула книгу на место и взяла телефон. Несмотря на то что теперь я была хозяйкой всего этого, мне все равно было неловко копаться здесь. Неловко и немного жутко. Почему надо было оборудовать эту комнату в подвале? Лестница крутая, старушке наверняка было тяжело сюда спускаться. Она могла занять любое помещение в огромном доме, зачем пряталась в подвале? От кого? Почему?

На ум приходила только одна мысль: потому что здесь не было окон.

Между стеллажами я разглядела дверь. Не увидела сразу, потому что она была такого же цвета, как и стены, сливалась с ними, становилась почти невидимой. К моему удивлению, оказалась она железной, а не деревянной. И крепко запертой. Я подергала ручку, толкнула плечом, но не сдвинула ни на миллиметр. Было похоже, что если подвалом и пользовались, то дверь не открывали много-много лет. Куда она может вести, у меня не было ни единого предположения, но если до этого момента я еще как-то могла справляться со страхом, то теперь окончательно перед ним капитулировала.

По лестнице я почти бежала. Вот вроде и не веришь ни в каких призраков, а оказавшись в темном подвале, пахнущем сушеными травами и забитом книгами на непонятном языке, все равно чувствуешь ужас.

Вернувшись в гостиную, я включила еще несколько бра. Свет разогнал по углам тени и страхи, даже ды-

шать стало легче. Хотелось открыть окна, впустить в прохладное помещение немного теплой майской ночи, звуков спящей весны, ароматов свежих, а не сушеных трав. Я уже почти решилась на это, взялась за ручку больших стеклянных дверей, выходящих на террасу, но передумала в последний момент. Маньяки маньяками, сумасшедшие местные сумасшедшими местными, но вот дикие звери в лесу водиться точно могут. И что я стану делать, если к нам заглянет привлеченный ароматом еды медведь или тот же волк, о котором упоминал дед Кастусь? Давайте будем честными: я умру от сердечного приступа, если вдруг увижу и прыгающего по гостинной зайца в три часа ночи.

Опустив руку, я прислонилась лбом к прохладному стеклу и устала в темноту за окном. От света гостинной меня отделяли плотные шторы, от незнакомой улицы — тонкое стекло. Я словно застряла между мирами, и это ощущение вызывало странную тоску. Словно бы я и не там, и не там, а где — непонятно. Кто — непонятно. Казалось, что там, за стеклом, что-то происходит, а я не вижу. Это не пугало, а вызывало необычную грусть. Я смотрела в темноту и уже начинала различать тени, слышать шепот. Кто-то оттуда смотрел на меня, что-то говорил, но не мне, а кому-то другому. Они обсуждали меня. Говорили между собой, а смотрели на меня.

Я тряхнула головой, вдруг осознав, что задремала. Вот прямо так, стоя за шторой, прислонившись лбом к стеклу, и задремала. Нет там ничего, с той стороны. Никто на меня не смотрит. Это просто мое подсознание вытащило на поверхность те чувства, в которых я варилась последние полгода, от которых сбежала в эти болота. Вытащило и встроило в реальность.

Выйдя из-за штор, я первым делом направилась в кухню. Надо бы прикупить пару бутылок вина для таких вот вечеров, когда мне придется оставаться наедине с со-

бой. Юлька всегда рано ложится спать, это я сова, вечно засиживаюсь далеко за полночь. Пока же пришлось обойтись кружкой холодного кваса, оставшегося у нас с дороги. Предпочла бы чай, но не смогла найти спички. Точно помнила, что были, ведь Вера готовила ужин, а плита здесь стояла газовая, но не нашла. Может быть, сестра куда-то положила, может, Вера унесла с собой.

Вернувшись в гостиную, я подошла к портретам. Их было не так и много, как мне показалось вначале, но все выглядели очень старыми. Здесь были молодые мужчины в костюмах охотников, один даже стоял рядом с убитым медведем. Пожилые дамы с замысловатыми прическами, смотревшие на меня с некоторой долей презрения, будто говорили, что я недостойна быть продолжательницей рода Вышинских. Юные прелестные девушки с цветами у груди и задорными улыбками на лицах. Все они были рыжими, а значит, мастью мы с Юлькой пошли в Вышинских. Особенно меня привлекли два портрета, висевшие рядом. На них были изображены удивительно похожие друг на друга девушки, только если одна была настоящей красавицей с белой кожей, яркими волосами и горящими глазами, то вторая походила на ее тень. Вроде бы черты лица такие же, прическа такая же, даже платье схожее, а все равно она словно бледнее, незаметнее. Будто все яркие краски художник потратил на первую девушку, а вторую рисовал тем, что осталось.

Закончив с портретами, я расположилась на диване у камина, снова пожалев о ненайденных спичках. Внутри камина лежали дрова, было бы здорово сейчас зажечь их. С другой стороны, я не уверена в его исправности, нужно сначала уточнить этот момент у Кириллы. Сжечь дом в первые же сутки обладания им — так себе идея.

Сон сморил меня внезапно, я едва успела поставить стакан с остатками кваса на пол и, свернувшись калачиком, лечь поудобнее, как уже чувствовала, что лечу в ка-

кое-то сновидение. Куда именно я попала и что собирается подбросить мне подсознание, я не запомнила. Сон прервал громкий крик, и я сначала вскочила, а потом уже начала просыпаться.

Мозг мгновенно вспомнил, где я нахожусь, будто все это время дремал настороженно, не позволяя мне забыться окончательно. Оценил ситуацию: я в гостиной одна, шторы не колышутся от ветра, значит, окна закрыты. Бра погашены, хотя я их не выключала, но в комнате светло от потрескивающего в камине огня, который я не зажигала. Не могла этого сделать и Юлька, я бы услышала ее. Если уж я спала так неглубоко, определенно услышала бы. Тогда кто это сделал?

Впрочем, не это сейчас важно. Кто-то кричал, и я должна была убедиться, что с сестрой все в порядке. Машинально схватила валяющийся на полу возле дивана телефон и бегом бросилась в ее комнату.

Там уже горела лампа, которую я лично поставила на пол возле кровати, а Юлька сидела на постели, прижимая к груди одеяло, и тряслась, как листок на промозгом осеннем ветру.

— Что случилось? — спросила я, подбегая к ней. Вроде бы цела, только напугана ужасно. И без того бледная кожа теперь совсем белая, каждая веснушка видна, глаза расширены, в них плещется настоящий ужас.

— Там кто-то есть. — Юлька указала на большое окно, которое мы так легкомысленно оставили незанавешенным. Хорошо хоть открыть не смогли. А ведь Кирилл предупреждал.

Я подошла к окну, прижалась к нему лицом, закрывшись по бокам ладонями, но ничего не увидела. На улице стояла такая же темнота, как часом ранее, когда я смотрела в другое окно. Мне снова чудились тени и шепот, но теперь я уже не была уверена, игра ли это моего воображения или кто-то на самом деле бродит под нашими стенами.

— Никого нет, — твердо сказала я. — Может, тебе приснилось?

— Не. — Юлька замотала головой, отчего рыжие локоны взметнулись вверх ярким пламенем, ударили ее по щекам. — Я проснулась раньше. Ты ходила за дверью, я услышала шаги и проснулась. Села, хотела позвать тебя, нечаянно в окно взглянула, а там... оно.

Я не стала говорить сестре, что не ходила по гостиной, а мирно спала на диване, не мои шаги она слышала. Незачем пугать ее сильнее. Хватит и того, что я сама знаю: в доме, кроме нас, кто-то есть. Кто-то погасил бра и зажег камин. Кто-то ходил мимо дивана, где я спала, а я даже не слышала. Пусть Юлька пока ничего не знает.

— Оно? — переспросила я, возвращаясь мыслями к окну. — Почему оно?

— Потому что это не мужчина и не женщина. Рожа вытянутая какая-то, зеленая, волосы растрепанные, будто их не расчесывали никогда. Рот раскрыт, страшный такой, и глаза как у жабы.

Описание походило на фильм ужасов. Чего только не придумает богатое девичье воображение! Пожалуй, завтра же стоит принести в эту комнату вторую кровать и спать нам вместе. Юльке с такой фантазией в старом доме будет слишком страшно.

— Глупенькая. — Я села возле нее и погладила по огненным волосам. — Тут стекла старые, кривые, вот и искажают изображение. Наверное, к тебе заглядывал просто кто-то из местных. Деревенские люди любопытные, мы для них как диковинки. А может, тут еще и сумасшедший есть, Кирилл предупреждал окна не открывать. Думаю, подозревал, чем кончится дело. Ложись, я буду рядом.

Юлька послушно легла, подложив ладони под щеку. Я укрыла ее одеялом по самую шею, подошла к окну, чтобы задернуть шторы, но остановилась, снова вглядываясь

ХРАНИТЕЛЬНИЦА БОЛОТ

в темноту. Там кто-то был, определенно. И мне стоит озаботиться забором прежде, чем делать ремонт в доме.

Задернув шторы, я не стала возвращаться в гостиную. Аккуратно легла рядом с Юлькой, обняла ее одной рукой. Кровать узкая, но если не шевелиться, то никто не свалится.

Спустя две минуты Юлька уже размеренно сопела, а я никак не могла уснуть. Пусть сквозь задернутые шторы теперь не видно улицы и того, кто бродит снаружи, но я четко слышала шепот. Этого не могло быть, в доме толстые стены, но я точно различала чужие голоса.

Глава 4

Утром, еще до того, как выпить чашку кофе и умыться, я вышла на улицу, чтобы найти следы того, кто напугал ночью Юльку. Под ее окном была разбита клумба, наверняка когда-то утопающая в розах, но теперь на ней росли лишь два чахлах кустика с еще не распутившимися бутонами. Кустики эти недавно поливали, может быть, даже вчера перед нашим приездом, поскольку земля была влажной. И на ней четко отпечатались следы босых ног. Маленьких ног, девичьих или даже детских. Размера тридцать третьего, едва ли больше. Следов было много, будто не один человек здесь топтался, а два или даже три. Но кто это мог быть? Деревенские дети? Неужели местная детвора рискнула прийти к нам ночью, да еще мимо кладбища?

Мои размышления были прерваны появлением Веры и Кирилла.

— Эмилия? Что вы там делаете? — поинтересовалась Вера, увидев меня в розовых кустах.

— Кто-то ночью заглядывал к нам в окна, — честно призналась я.

Вера строго взглянула на сына, и прежде, чем тот что-то сказал, я уже поняла смысл ее взгляда.

— Я предупредил, — виновато развел руками тот.

— Кто это был? — Я подошла ближе, внимательно глядясь в их лица.

Мать и сын снова переглянулись, а затем Вера легонько подтолкнула Кирилла к дому.

— Отнеси сумки на кухню.

Только сейчас я увидела, что в руках Кирилл держит два объемных пакета, из которых торчат пучки зеленого лука и ботва редиски. Надо будет обязательно отдать за овощи деньги, едва ли у Веры их так много, чтобы кормить двух взрослых девиц даром. Но сейчас меня интересовала не редиска, а таинственные следы, и я намеревалась выяснить, что все это значит. Вера знает, я видела это по ее глазам. Да и Кирилла она отправила в дом не просто так.

— Вера? — позвала ее я, когда Кирилл уже поднялся на порог, а женщина не торопилась начать разговор.

После моего оклика она повернулась ко мне, и во взгляде ее я разглядела нечто необычное: мягкая до этого женщина, смотревшая на меня с почти материнской теплотой, вдруг стала серьезной, даже строгой, будто я была провинившейся школьницей, а она — моей учительницей.

— Пожалуйста, Эмилия, отнеситесь серьезно к тому, что говорим вам я и мой сын, — начала она. — Если мы просим не открывать окна и не выходить на улицу, делайте это сами и запрещайте сестре.

— Это опасно? — уточнила я. Детские следы под окном удивляли, но не особо пугали, честно говоря.

— Пока — да.

— Пока?

Вера с сожалением покачала головой.

— Я не могу вам всего рассказать. Очень жаль, что вы не застали Агату, уж не знаю, почему так вышло. Я помогу, чем смогу, но пока рано. Просто знайте: место, где находится ваша усадьба, очень необычное. Стоит в необычном месте, и не зря Вышинские так тщательно охраняли все сведения о своей семье. Поверьте, у них было много денег и влияния, они могли бы стать одним из известней-

ших шляхетских родов как минимум в наших краях, если не во всей Беларуси, но не хотели этого.

Мне стало неудобно. По спине пробежал холодок, хотя утреннее солнце уже нагревало воздух и обещало очередной теплый день.

— Я нашла комнату в подвале, — сказала я. — С книгами и травами. Это комната Агаты?

Вера кивнула.

— Почему Агата оборудовала ее в подвале, почему не выбрала любую из десятка пустующих помещений в доме или во флигелях? Почему ее спальня была на втором этаже? Ведь она была уже пожилой женщиной, зачем ей эти лестницы?

— Вы задаете очень правильные вопросы, Эмилия, — внезапно похвалила Вера. — Именно это и позволит вам разобраться во всем, что здесь происходит.

— Вы обещали помочь, — напомнила я.

— И помогу. А сейчас пойдете завтракать. Скоро должен приехать адвокат, вам лучше подготовиться к его визиту.

Я только сейчас поняла, что стою перед ней в пижаме. Весьма целомудренной, но пижаме. Неумытая, нерасчесанная, с нечищеными зубами. Она права, нужно привести себя в порядок, прежде чем встречаться с адвокатом.

Адвокат был точен, как швейцарские часы, и появился на пороге нашего дома ровно в десять утра. К тому моменту я успела умыться, переодеться, позавтракать и отправить Юльку в сад. Сестра с самого утра выглядела немного бледноватой, сказывался ночной стресс, поэтому мне хотелось, чтобы она подышала воздухом и, может, немного посмущала Кирилла, вызвавшегося составить ей компанию. Вера к тому времени ушла в деревню, сославшись на какие-то дела, но обещала прийти к обеду, чтобы приготовить нам его. Мне было неловко от того, что она взяла все заботы о нас на себя, но пока у меня было слишком много дел, чтобы заниматься

еще и обедом, а Юльке стоит обеспечить полноценное питание. Кроме того, я собиралась щедро платить за работу, что наверняка устроит и меня, и Веру.

Роберта Брынзу, адвоката Вышинских, я не видела вживую, лишь переписывалась с ним по электронной почте. Помню, увидев подпись к первому письму, сообщавшему мне о внезапном наследстве, я рассмеялась. Мало того что адвокат имел «сырную» фамилию, так был еще и почти полным тезкой известного английского писателя. Теперь же я могла видеть господина Брынзу наяву, и впечатление внешним видом он производил еще более интересное, чем фамилией. Это был невысокого роста, заметно ниже меня, плотно сбитый человечек. Несмотря на теплое майское утро, на нем был длинный темно-коричневый плащ и такого же цвета широкополая шляпа. Честное слово, больше всего адвокат напоминал героя мультфильма «Следствие ведут Колобки». Прямо удивительно, как для одного человека можно было найти столько странных ассоциаций: и сыр, и писатель, и Колобки...

Услышав шум за спиной, адвокат обернулся ко мне, и в этот момент на долю секунды мне показалось, что за ним взметнулся в воздухе тонкий хвост с кисточкой на конце. Мамочки мои, пора попросить у местного фельдшера успокоительных капель! И это мы всего второй день тут.

Спускаясь ниже по лестнице из своей комнаты, где как раз разбирала чемодан, когда Кирилл сообщил о визите адвоката, я изо всех сил вглядывалась в него, но ничего необычного больше не заметила. Он же улыбался мне радостно, как старой знакомой.

— Эмилия Аркадьевна! — развел он руки в стороны, будто собирался заключить меня в объятия, но вместо этого в последний момент протянул ладонь для рукопожатия. Рука у него оказалась горячей, будто сковородка из печи. Должно быть, в таком одеянии ему ужасно жарко, чего ради терпит, спрашивается?

— Добрый день, Роберт... простите, не знаю вашего отчества, — ответила я.

— Зовите меня паном Брынзой, — махнул он рукой.

Странное обращение. Обычно люди представляются по имени-отчеству, если же по фамилии, то добавляют к ней «господин», но не пан. Я не слышала, чтобы местные так обращались друг к другу, да и мне все представлялись не так. Впрочем, какая разница? Пан Брынза так пан Брынза.

Никакого кабинета в этом доме я себе пока не оборудовала, собираясь работать в спальне при необходимости, поэтому могла предложить адвокату только кресла в гостиной. Кирилл принес нам две чашки чаю и снова тактично скрылся в саду.

— Вижу, молодые люди подружились, — заметил пан Брынза, через стеклянные двери глядя на то, как по разбитой дорожке Кирилл катит коляску с Юлькой.

— Моя сестра любит смущать парней, — пожала плечами я.

— Это похвально. Приятно видеть, что инвалидное кресло не делает красивых девушек угрюмыми и нелюдимыми. Что с Юлией? Авария?

Я качнула головой.

— Врожденная аномалия нижних конечностей, — процитировала выписку из ее диагноза. — Было уже много операций, но увы, прогнозы не слишком благоприятные. Скорее всего, она никогда не сможет ходить. Вернуть кости в нормальное положение сложно, мышцы без нужной нагрузки не развились, как полагается.

Пан Брынза кивнул, явно теряя к Юльке интерес. Она и Кирилл отъехали уже на достаточное расстояние и совершенно точно не могли нас услышать. Он поднял с пола свой портфель, поставил его на колени и вытащил большую кипу бумаг.

— Я привез документы вам на подпись. — Адвокат положил бумаги на стол и внимательно уставился на меня,

будто гадал, подпишу я их или откажусь от наследства. — Полгода со смерти вашей родственницы вот-вот пройдут, вы должны вступить в права наследования. Если согласны, конечно, если дом и усадьба пришлись вам по вкусу.

Вместо ответа я взяла в руки бумаги, пролистала их. Сначала ничего не показалось мне необычным, стандартные нотариальные документы, но когда я дошла до последнего листа, остановилась. Очень уж сильно он выбивался из общей массы: был написан тем же самым странным алфавитом, который я видела в книгах в подвале.

— Что это? — Я вытащила лист и показала адвокату. Тот взглянул на него мельком и улыбнулся.

— Это дополнительный договор, составленный Агатой Вышинской. Как бы в дополнение к основному.

— Что это за язык?

— Беларусский.

Я недоверчиво покосилась на пана Брынзу. Не надо считать меня совсем уж душой. Я, как выяснилось, беларусский даже понимаю хорошо, прочитать тем более смогу. И кириллицу от латиницы с легкостью отличу.

Адвокат прочитал мои мысли, что было совсем не сложно: они огромными буквами были написаны у меня на лице.

— Это беларусская латинка, — с усмешкой пояснил он. — Сейчас практически не используется, но Агата Олеговна признавала лишь ее. Слова абсолютно те же, выучив буквы, вы сможете в этом убедиться.

Я опустила взгляд на бумагу. Текста здесь было не очень много, и если сильно напрячься, я могла его прочитать. Некоторых букв не знала, но интуитивно догадывалась и подставляла нужное. Однако такая напряженная мозговая деятельность не позволяла сложить воедино все написанное, оно ускользало, как рассветный сон.

— О чем здесь говорится? Почему Агата составила этот дополнительный договор?

— Потому что на самом деле он не имеет юридической силы, — пояснил адвокат. — Это просто желание Агаты Олеговны. Тут говорится, что вы, вступив в наследство и заняв ее место, должны с уважением относиться к жителям Востровки, окружающей природе: лесам, болотам и тем, кто там обитает. Вы берете на себя обязательства по защите и сохранению текущего баланса, принимаете роль Агаты Олеговны, так сказать. Как настоящая Вышинская.

Честно говоря, содержание этого дополнительного договора казалось мне максимально странным. Зачем Агате было указывать это дополнительно? Адвокат снова понял мои мысли. Что, вероятно, снова было несложно. Так подумал бы любой здравомыслящий человек.

— Понимаете, Эмилия Аркадьевна, когда-то Вышинские принадлежали к шляхетскому роду. Они владели не только этим домом и усадьбой, но и всеми окрестными деревнями, лесами и полями. С приходом сюда советской власти в 1939 году все, конечно, изменилось. Но жители Востровки по-прежнему считали вашу семью своими благодетелями, а Агата Олеговна, как представительница рода, защищала их и помогала. Можно отобрать у человека все, но нельзя забрать у него благородство.

— Почему не забрали усадьбу? — уточнила я. Этот вопрос волновал меня с тех пор, как я впервые увидела дом. Пан Брынза пожал плечами.

— Этого мне точно не известно. Но Агата Олеговна умела уговаривать и добиваться своего. Она была уверенной в себе женщиной, а ее семья имела богатства, которые не смогли национализировать. Возможно, она смогла договориться с нужными людьми.

— Расскажите мне о ней, — попросила я. — Я никогда раньше о ней не слышала, ничего не нашла в интернете и не совсем понимаю степень нашего родства, если честно.

А если совсем честно, о своих предках я знала немного. Бабушка по отцу умерла, когда я еще не ходила в школу,

дедушку я и вовсе не застала, он погиб молодым. Прадеда немного помню, но он жил в обычном деревенском доме, не был богат, и я даже не подозревала, что когда-то мои предки принадлежали к шляхетскому роду. Родители-египтологи часто рассказывали нам с Юлькой об известных египетских династиях, но никогда не упоминали, что у нас самих не самые простые корни, мы не потомки крепостных крестьян.

— Ваш прапрадед Дмитрий и отец Агаты Олеговны были родными братьями. То есть она вам получается двоюродной прабабушкой, — пояснил адвокат.

Я прикрыла глаза, пытаюсь нарисовать в голове генеалогическое древо и разобраться в степени нашего родства. Прадеда, сына Дмитрия, получается, я немного помнила. Мне было два или три, когда он умер. Помню, как мы приезжали к нему в гости и он угощал меня пахнущими табаком конфетами, и на этом все. Жил он под Минском, недалеко от бабушки, у которой я проводила лето, к этой усадьбе отношения не имел. Очевидно, по наследству она досталась его брату, тому самому отцу Агаты.

— У Агаты не было братьев и сестер? — уточнила я.

— Ни братьев и сестер, ни мужа и детей, — подтвердил пан Брынза. — Ее ветвь заглохла, поэтому наследство и получили вы, Эмилия Аркадьевна.

Что ж, теперь понятно, каким образом на меня свалилась эта усадьба и почему я никогда не слышала о ее владелице. Не самая близкая родня, прямо скажем. Обычно люди понятия не имеют, кто их двоюродная прабабушка, а те никогда не оставляют им наследство.

— Что вы вообще знаете об этой усадьбе и роде Вышинских? — поинтересовалась я.

— Вышинские всегда старались держаться скромно, — усмехнулся адвокат. — Деньги имели немалые, не Сапег с Радзивиллами, конечно, но и не голытьба. В политику только никогда не стремились, а потому и не мелькали нигде. Им, насколько я могу судить, нравилось жить здесь,

в этой глуши. О самой усадьбе точных данных у меня нет. Сами понимаете, страны, в которой она когда-то была построена, нет уже дважды, документы терялись, погибали в войнах, хотя эту местность удивительным образом обходили и бомбы, и крупные пожары. Предположительно дом начали строить в конце восемнадцатого века, но что именно тогда было построено, я не знаю. Флигели, скорее всего, достраивались сильно позже. Первым владельцем, о котором я нашел упоминания, был некий Андрей Вышинский. Но больше сведений нет. Ни о его родителях, ни о жене или детях. В 1944 году тут случился потоп, уничтоживший документы. Надо заметить, что наводнения в этих краях — не редкость, реки разливаются каждую весну. Даже сейчас, когда научились строить дамбы, наводнения наносят значительный ущерб, что уж говорить о тех временах. До сих пор в каждом сарае висят лодки. После потопа делались дубликаты. Что по архивам, что по словам Агаты Олеговны. Поэтому теперь уже сложно установить настоящие даты и имена. Возможно, когда вы разберете весь дом и заглянете в каждый его закоулок, вы найдете больше, чем я.

Я кивнула. Это утро, и слова Веры, и сведения пана Брынзы пробудили во мне интерес. Не только человеческий, но и писательский, и я намеревалась перевернуть усадьбу вверх дном, но выяснить тайны семьи Вышинских. Своей семьи, как оказалось.

— А вы знаете, кто такая Агния?

— Агния? — переспросил адвокат, и я видела, что это имя он слышит впервые. — Не знаю. Откуда вам о ней известно?

Говорить о странных видениях я не стала. Еще не хватало, чтобы он счел меня сумасшедшей.

— Видела в каких-то бумагах, — уклончиво ответила я и, чтобы перевести тему, вернулась к документам: — То есть по факту это дополнительное соглашение — просто причуда стареющей женщины?

— Вроде того.

Либо пан Брынза не обладал природным любопытством, либо понял, что развивать тему с Агнией я не хочу. Либо же решил, что мне это не очень-то интересно, спросила, поскольку к слову пришлось. Он вытащил из портфеля ручку и протянул мне.

— Подпишете?

Я взяла ручку и уже приставила ее к бумаге, как вдруг подумала, что совершаю глупость. Я ведь не знаю, что тут написано на самом деле. Я даже не знаю, законно ли вообще составлять какие-то договоры латинкой. Но отыграть назад сейчас почему-то было неловко. Вот поэтому всеми делами с издательствами и продюсерами всегда занимался мой бывший муж, по совместительству сценарист сериалов по моим книгам. Однако муж полгода назад обьелся груш, и теперь мне придется решать вопросы самостоятельно. Отличная возможность начать прямо сейчас.

Чернила внезапно оказались красными. Это было странно и отчего-то пугало. Кто подписывает документы красными чернилами?

Пан Брынза, увидев это, хлопнул себя по лбу.

— Простите, Эмилия Аркадьевна, не ту ручку достал. Вот.

Он протянул мне другую. Ошибиться, конечно, можно было, обе ручки казались совершенно одинаковыми, но откуда вообще в портфеле юриста красная ручка?

Остальные бумаги я подписала уже стандартными черными чернилами. Адвокат отдал мне мои копии и поднялся с места. От предложения остаться на обед отказался, а я не стала настаивать. Почему-то подписанные красной ручкой документы на латинке настолько выбили меня из колеи, что хотелось как можно быстрее отделаться от пана Брынзы.

Юлька и Кирилл продолжали гулять по саду, кажется, юный садовник показывал моей сестре какие-то сохранившиеся цветы, и я не стала их звать. Пусть еще немного погуляют, мне же было необходимо подняться к себе

и немного успокоить расшатавшиеся нервы. Только после того, как за паном Брынзой закрылась дверь, я почувствовала, что вспотела. То ли красные чернила меня так напугали, то ли, глядя на тепло одетого адвоката, мне и самой стало жарко, но захотелось переодеться.

В спальне было тихо и прохладно. Утром я открыла окна, но занавески не шевелились, выдавая отсутствие ветра. С улицы доносился лишь щебет птиц и едва слышное жужжание Юлькиной коляски.

Выбрав легкое голубое платье, я осмотрела содержимое шкафа. Пожалуй, в ближайшее время нам с сестрой стоит наведаться в город или заняться онлайн-шопингом. Наверняка в городе есть пункты самовывоза больших маркетплейсов. Вещей с собой мы взяли немного, а если я хочу раскрыть тайны Вышинских, то нам придется остаться здесь на некоторое время. Перспектива провести лето в лесу, на свежем воздухе, в большом доме, полном загадок, так прельщала меня, что я была готова мириться даже с некоторыми пугающими странностями.

Я повернулась к большому зеркалу, чтобы надеть выбранное платье, и едва не заорала. В зеркале отражалась не только я, но и шкаф за моей спиной и тот, кто сидел на шкафу. Это был определенно человек, очень старая маленькая женщина, но поскольку места на шкафу было немного, она сидела скрючившись, и я не могла оценить ее реальные размеры. Видела только морщинистое лицо, маленькие глазки, внимательно следящие за мной, платок на голове и острые уши, торчащие из-под него, как у эльфа.

Оборачиваться было страшно. Страшно, что это не игра моего воображения, что на шкафу на самом деле кто-то есть. И что как только я повернусь, оно прыгнет на меня, как и бывает в фильмах ужасов. Тем не менее вечно стоять и пялиться в зеркало я не могла, поэтому пришлось обернуться.

На шкафу было пусто. Никаких старушек, только солнечные лучи весело играли на острых концах шкафа.

Я снова посмотрела в зеркало, но отражения старушки больше не было и там. Неужели привиделось?

Это не было похоже на те видения, что посещали меня в спальне и подвале. Походило скорее на хвост у пана Брынзы, только хвост я видела мельком, а старушку на шкафу разглядывала долго.

Вера сказала, что это необычное место, но я отказывалась верить, что даже в самых необычных местах у адвокатов вырастают хвосты, а старушки могут забираться на шкаф. А даже если бы и могли, то кто она такая? Куда подевалась, стоило мне обернуться?

Тут же вспомнились погашенные бра и зажженный камин ночью. Я ведь уже тогда решила, что в доме, кроме нас, кто-то есть.

Быстро нацепив платье, я спустилась в сад, нашла Юльку и Кирилла. Не особо церемонясь, спросила о том, кто еще живет в нашем доме. Хотела прямым вопросом не дать Кириллу выкрутиться, но не учла того, что могу напугать сестру. Только когда она испуганно охнула рядом, я поняла, что наделала.

— Просто кто-то ночью зажег камин, — пояснила я, мысленно ища варианты, как выкрутиться.

— Может быть, вы сами? Просто забыли? — подсказал Кирилл.

Меня, конечно, посещают странные видения, но я же не дура! И если бы зажгла камин, то уж точно запомнила бы. Однако пришлось ухватиться за его подсказку и сказать, что наверняка так и было. Просто устала с дороги и забыла, как сама зажгла камин. Юлька поверила, а мне добавилась еще одна загадка в общий список, который рисковал стать весьма обширным.

Глава 5

Следующие несколько дней прошли суматошно, но без странных видений, и я немного успокоилась. Уверила себя, что все это показалось мне от усталости и необычности происходящего. А еще от неумемной фантазии, писатель я или кто? Просто воображение сыграло со мной злую шутку, только и всего.

Если бы я хоть на минуту допускала, что все это может быть по-настоящему, я бы точно увезла отсюда Юльку. Но правда состояла в том, что я не хотела возвращаться в душную, ставшую мне теперь такой ненавистной Москву, к знакомым и друзьям, которые знали все, что произошло в моей жизни, которые обсуждали меня и мой брак и с затаенным предвкушением ждали от меня каких-то действий. А мне ничего не хотелось. Хотелось лениво просыпаться под звуки поющих за окном птиц, потягиваться на слишком мягкой кровати, пить кофе на большой террасе, глядя на заросший сад и представляя, как красиво тут когда-то было. Гулять с Юлькой по разбитым дорожкам, вдыхать воздух, от которого легкие словно бы увеличиваются в размере и кружится голова.

Юлька меня поддерживала. Ей тоже нравилось в усадьбе. Она заметно повеселела, а ведь в Москве в последнее время на нее было страшно смотреть. Вадим, мой муж, разрушил не только наш брак, но и поставил под угрозу

мою карьеру, наш главный с Юлькой источник дохода. Родители нас не бросят, конечно, но их почти никогда не бывает дома, да и зарабатывают они не так много, как может показаться, зная их специализацию. Они не ученые с мировыми именами, их не зовут читать лекции в Гарвард. Пока в этом была необходимость, все деньги они тратили на нас, но позже, когда я сама стала прилично зарабатывать, они наконец смогли позволить себе многое из того, чего были лишены всю жизнь.

Юлька повеселела, но меня все равно настораживала ее необычная бледность, однако я списывала это на свежий, непривычный ей воздух.

Поскольку мы решили остаться в усадьбе на все лето, следовало наладить быт: привести в относительный порядок дом, найти, где покупать свежие продукты, запастись тем, что не может испортиться. Не могли же мы сесть на Верину шею. Все чаще мне в голову приходила мысль о полномасштабной реконструкции усадьбы, но пока я не была к этому готова, решила начать с малого: покупки необходимых вещей.

В тридцати километрах от деревни обнаружился довольно крупный по местным меркам районный город, где можно купить все необходимое. Кроме того, в Степаново ездили разнообразные доставки как продуктов, так и бытовой химии и мебели, моя задача состояла только в том, чтобы договориться с курьерами и ждать их на автобусной остановке или в любом другом примечательном месте.

Вера и Кирилл с радостью согласились работать у нас, как работали у Агаты, и от зарплаты не отказались, а мне всегда казалось, что за деньги люди работают с гораздо большим удовольствием и отдачей, чем на добровольных началах.

Спустя три дня у нас был новенький холодильник, забитый продуктами, новая кровать у Юльки, выстиран-

ные шторы во всех комнатах, которыми мы пользовались, а также новый бойлер для нагрева воды и стиральная машина. С последней, правда, возникли трудности. Водоснабжение дома было старым, и даже новый насос не устранил проблему. Я уже нашла мастера, который обещал вскоре решить вопрос, но пока он не приехал, приходилось во время стирки все время стоять рядом с машинкой. Это удивительным образом хорошо на нее влияло, потому что стоило только выйти за дверь прачечной, как она тут же переставала набирать воду.

Каждый вечер я теперь валилась с ног, уставшая, как лошадь после забега, засыпала еще до заката, просыпалась с рассветом и чувствовала себя такой счастливой, какой не была уже очень давно. Если кто-то и заглядывал к нам в окна ночами, то теперь нам с Юлькой было не до этого. Мне даже не хотелось ни о чем расспрашивать Веру, в глубине души я боялась ее ответов, а она разговор первой не начинала.

Сегодняшний день выдался прохладным. Небо с самого утра хмурилось, привычное тепло исчезло с ночным дождем, дышалось легко и свободно. Юлька с самого утра рисовала в саду, расположившись у нерабочего фонтана. Кирилл работал здесь же, вычищая по моей просьбе участок сада, примыкающий к стене дома. Мне хотелось максимально восстановить розарий, который я заметила во второй день. Я могла оставить Юльку под присмотром его и Веры, занимающейся стиркой в доме, поэтому решила прогуляться по лесу. Вчера, разбирая бумаги в одной из комнат, я нашла рисунок. Очень старый, судя по выцветшим чернилам, сделанный детской рукой. Рисунком этим оказалась карта поместья Вышинских. Я рассмотрела наш дом, несколько хозяйственных построек, второй домик поменьше, обозначенный как «Желтый дом», большую конюшню. И сегодня мне хотелось поискать эти здания или их остатки.